

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ

МИРЫ КТУЛХУ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(7Coe)
Л13

Серия «Классика мировой фантастики»
Howard Phillips Lovecraft
AT THE MOUNTAINS OF MADNESS
THE WHISPERER IN DARKNESS
DAGON

Вступительная статья *Василия Владимировского*
Переводы *Юрия Соколова, Дениса Афиногенова,*
Валерии Бернацкой, Олега Колесникова, Елены Любимовой,
Светланы Лихачевой

Иллюстрация к обложке *Валерия Петелина*

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

Лавкрафт, Говард Филлипс
Л13   **Миры Ктулху / Говард Филлипс Лавкрафт.**— Москва:
Издательство АСТ, 2018.— 541, [1] с.—(Классика мировой
фантастики).

ISBN 978-5-17-109997-8

Проза Лавкрафта — идеальное отражение внутреннего мира человека в состоянии экзистенциального кризиса: космос холоден и безразличен, жизнь конечна, в словах и поступках нет никакого высшего смысла, впереди всех нас ждет лишь небытие, окончательное торжество энтропии и тепловая смерть Вселенной. Но это справедливо для читателей прошлого тысячелетия. Сегодня мы легко можем заметить, что Великие Древние Лавкрафта стали «своими» и для людей, искренне любящих жизнь, далеких от меланхолии, довольных собой и своим местом в мире — вот в чем настоящий парадокс.

© В. Владимировский, вступ. ст., 2018
© В. Петелин, ил., 2018
© Перевод. В. Бернацкая, 2016
© Перевод. С. Лихачева, 2016
© Перевод. К. Королев, 2016
© Перевод. О. Колесников, 2016
© Перевод. Ю. Соколов, 2016
© Перевод. Е. Любимова, наследники, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2018

МИФЫ ЛАВКРАФТА

Имя Говарда Филлипса Лавкрафта окружает множество мифов. За свои сорок семь лет он успел прослыть социопатом, затворником, женоненавистником, ксенофобом, сумасшедшим, чуть ли не тайным агентом рептилоидов и приспешником Ктулху. Явление, в общем, распространенное: так происходит практически с каждым крупным писателем, который не добился признания при жизни и был оценен по достоинству только после смерти, от Эдгара Алана По до Филипа К. Дика. Увы, к разочарованию любителей сенсаций, жизнь нашего героя достаточно хорошо задокументирована и подробно изучена, чтобы утверждать: слухи о причудах Лавкрафта сильно преувеличены.

Г. Ф. Л., как называют его поклонники, появился на свет 20 августа 1880 года в небольшом городе Провиденс (штат Род-Айленд, Новая Англия). Его отец, коммивояжер Винфилд Скотт Лавкрафт, рано пропал с горизонта: в 1883 году он «начал странно себя вести», был помещен в психиатрическую лечебницу, где и скончался пять лет спустя. Историки до сих пор спорят, что стало причиной недуга: нервный срыв, как полагал его сын, дурная наследственность или «веселая болезнь» (предположительно сифилис), которую Лавкрафт-старший подцепил в одном из своих вояжей.

После исчезновения отца из его жизни Говард остался на попечении матери и двух теток, а главное — наедине с библиотекой деда, заядлого книгочеля и библиофила. Именно эти роскошные, обшитые кожей тома определили мировоззрение и литературные предпочтения будущего классика. Здесь

Лавкрафт познакомился с античными мифами и «Сказками тысячи и одной ночи», без которых не было бы безумного араба Абдула Альхазреда и его «Некрономикона», но что важнее — проникся бесконечным пиететом к писателям восемнадцатого-девятнадцатого веков, из чьих работ по большей части состояло собрание. Именно там, в дедовской библиотеке, сформировался специфический повествовательный стиль Лавкрафта, бесконечно далекий от стиля большинства его коллег и современников — тяжеловесный, многословный, изобилующий прилагательными и деепричастными оборотами, медленно выворачивающий душу наизнанку. Мало того, даже в личной переписке Г. Ф. Л. предпочитал использовать «дореформенную орфографию», не признавая упрощенное, приближенное к фонетическому написание, которое получило распространение в США после 1828 года с легкой руки Ноя Уэбстера, автора «Словаря американского языка».

Окруженный женским вниманием, будущий писатель рос сообразительным, но болезненным мальчиком. Учеба в школе не задалась: он слишком часто пропускал занятия и в итоге не сумел завершить полный учебный курс. Зато именно в школьные годы Лавкрафт впервые попробовал свои силы в «самиздате»: самым впечатляющим опытом на этом поприще стал напечатанный на гектографе астрономический журнал «The Rhode Island Journal of Astronomy» и посвященная преимущественно химии «The Scientific Gazette».

На первый взгляд увлечение вполне заурядное: многие успешные американские писатели, включая Роберта Хайнлайна и Рэя Бредбери, на заре своей карьеры отдали должное «самодельной прессе». Но с Г. Ф. Лавкрафтом история особая. Именно с самиздатом связана большая часть его литературной биографии — да и не только литературной по большому счёту. Сообщество, сложившееся вокруг американской «small press» в начале XX века, на долгие годы стало главной площадкой для его самореализации. Остроумная пикировка Лавкрафта в разделе писем журнала «Агроси» с другим начинающим литератором, Джоном Расселом, привлекла внимание руководства Объединенной ассоциации любительской прессы, и в 1914 году

писатель получил предложение вступить в УАРА, а через несколько лет был избран ее вице-президентом. Должность не открывала финансовых перспектив и была скорее почетной, но можно представить, насколько это польстило самолюбию молодого человека, так и не сумевшего, к разочарованию семьи, поступить в университет. Именно в «самодеятельной прессе» вышли первые рассказы Г. Ф. Л., замеченные читателями и критикой: переработанный юношеский «Алхимик», «Дагон» и сознательное подражание Эдгару Алану По «Усыпальница». Позже, в час нужды, среди писателей-любителей Лавкрафт-редактор находил своих «соавторов», амбициозных неудачников, чьи рассказы он перерабатывал от первой до последней буквы, иногда за небольшой гонорар, но порой и безвозмездно, в знак дружеского участия. Наконец, именно на одном из слетов журналистов-любителей он встретил свою будущую жену, Сою Хафт Грин,— это положило начало серьезным переменам в жизни писателя и в итоге к переезду из сонного Провиденса в сердце деловой Америки, бурлящий жизнью Нью-Йорк.

Думаю, можно сказать, что первые месяцы брака оказались самыми светлыми (если не брать в расчет раннее детство) страницами в биографии Г. Ф. Л. В Большом Яблоке Лавкрафт провел всего два года, с 1924 по 1926-й, но в этот краткий отрезок времени уместилась целая жизнь. Восторг от знакомства с кругом молодых интеллектуалов, публикации в «Weird Tales», одном из самых известных журналов начала палп-эпохи, разочарование, финансовый крах молодой семьи, жалкие попытки устроиться хоть на какую-нибудь работу или литературной поденщиной добыть средства для выплат по кредитам, чувство беспомощности, нарастающая депрессия... Увы, отношения Г. Ф. Л. с супругой, женщиной волевой и трезвомыслящей, не выдержали испытания бедностью. Соня Грин была вынуждена покинуть Нью-Йорк и отправиться на заработки, а Лавкрафт, несколько месяцев помывкавшийся в одиночестве в крошечной бруклинской квартире, вернулся в родной Провиденс и сдался на милость родственникам, с самого начала не одобрявшим этот брак.

Пожалуй, в рамки канонического мифа с некоторой натяжкой укладываются только последние годы жизни писателя. Он потерпел поражение по всем фронтам, не смог ужиться в большом городе, не достиг финансового успеха и популярности, потерял любимую женщину (несмотря на взаимную договоренность, Лавкрафт так и не оформил бумаги на развод) — зато получил мощный творческий импульс. После возвращения в Провиденс он закончил «Зов Ктулху», запланированный еще в Бруклине, написал многие из лучших своих вещей, включая новеллы «В горах безумия», «Данвичский кошмар» и «Морок над Инсмутом». Даже под давлением обстоятельств Г. Ф. Л. не сумел стать коммерческим писателем — да, видимо, не очень и стремился, хотя несколько раз выступал в роли «литературного негра» (политкорректно — «писателя-призрака»). В то же время он вел оживленную переписку с сотнями корреспондентов, среди которых был создатель Конана Роберт Говард, будущий автор прославленного Хичкоком «Психо» Роберт Блох, Лайон Спрэг де Камп и многие другие литературные звезды разного масштаба и святости. По скромным подсчетам, в архивах Г. Ф. Л. осталось не меньше десяти тысяч писем — и только малая часть их на сегодняшний день опубликована. Эпистолярная стратегия принесла свои плоды: постепенно вокруг Лавкрафта начал складываться круг преданных поклонников, продолжателей и подражателей... Увы: довести этот эксперимент до конца писателю так и не удалось. 15 марта 1937 года Говард Филлипс Лавкрафт скончался от рака тонкого кишечника в родном Провиденсе и был похоронен в семейной усыпальнице на кладбище Свант-Пойнт.

Это, разумеется, только краткая выжимка из биографии создателя «Мифов Ктулху»: его подробное жизнеописание занимает сотни, а анализ творчества — десятки тысяч страниц. Отечественные издатели обычно с подозрением относятся к литераторам, чье творчество ассоциируется с жанровой прозой: в России до сих пор не издано ни одной биографии Айзека Азимова, Роберта Хайнлайна или Артура Кларка, не говоря уж о фантастах следующих поколений — Роджере Желязны

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

или Уильяме Гибсоне. Да что там: такой чести не удостоился даже кумир шестидесятников Курт Воннегут — а не пиши о космических путешествиях и временных парадоксах!.. Но Г. Ф. Л. и тут оказался исключением: на русском языке можно прочесть целых три его биографии. Самая дотошная, обстоятельная и академически занудная, где дни американского писателя расписаны буквально по минутам («Жизнь Лавкрафта» С. Т. Джоши) доступна только в любительском переводе, зато книга «Лакрафт» Лайона Спрэга де Кампа печаталась вполне коммерческим тиражом, а биография «Лавкрафт. Певец бездны» московского историка и литературоведа Глеба Елисеева выдержала два издания. Словом, читателям, которых интересуют подробности, есть чем утолить сенсорный голод.

Но даже если отметить только главные реперные точки на жизненном пути писателя, становится очевидно, что личность Лавкрафта далеко не так однозначна, как может показаться. Человек с репутацией женоненавистника, антисемита и гомофоба, Г. Ф. Л. был женат на еврейской эмигрантке родом из Конотопа — и, по словам Сони Грин, оказался застенчивым и нерешительным, но вполне состоятельным любовником. Он мог многословно рассуждать о деградации американской нации и неполноценности семитов (а заодно о «поведении, которое по-добает только человекообразным обезьянам и неграм»), но в реальной жизни одним из лучших друзей Г. Ф. Л. был Самуэль Ловмэн, еврей и гомосексуалист. Лавкрафт выступал против демократии во всех ее проявлениях, но с благодарностью принял выборную должность вице-президента УАРА. «Затворник» и «социопат», он ежемесячно отправлял сотни писем своим корреспондентам во всех уголках страны, живо обсуждал деловые вопросы, ездил в гости, выбирался с друзьями на пикники, когда позволяли здоровье и финансы — не говоря уж о годах, проведенных в Нью-Йорке, самом шумном и суетном городе мира. Иными словами, путать «лирического героя» Лавкрафта и самого автора было бы большой ошибкой: в повседневной жизни Г. Ф. Л. мог выглядеть замкнутым, чудаковатым, эксцентричным, но не более, чем многие его известные современники.

Однако на этом история не заканчивается — напротив, все только начинается.

С конца 1930-х популярность Лавкрафта неуклонно растет. Молодой писатель Август Дерлет, горячий поклонник Г. Ф. Л., один из его постоянных корреспондентов и автор термина «Мифы Ктулху», создает издательство «Arkham House» и в 1939 году выпускает первый сборник своего покойного наставника — «The Outsider and Others». (Кстати, позднее в том же издательстве выйдет дебютный сборник другого будущего классика, «Темный карнавал» Рэя Бредбери, но это совсем другая история.) Рассказы писателя, почти не известного при жизни, начинают обсуждать не только на страницах жанровых изданий вроде журнала «Galaxy Science Fiction», но и в престижной «New York Herald Tribune». Август Дерлет расширяет вселенную Г. Ф. Л., дописывает незаконченные произведения учителя, постепенно в эту работу включаются Роберт Блох, Рэмси Кэмпбелл, Колин Уисон и многие другие — вплоть до Хорхе Луиса Борхеса, в 1975 году выпустившего «лавкрафтианский» рассказ «Есть многое на свете...».

В 1960-х, с началом психоделической революции и с расцветом пестрых «ню-эйдж»-движений, популярность Лавкрафта перешагивает границы «фантастического гетто» и круга поклонников литературы ужасов: его книги и персонажи становятся достоянием молодежной контркультуры. В 1967 году в Чикаго возникает рок-группа «HP Lovecraft» (другой вариант названия — «Love Craft») и за три года существования успевает записать пять альбомов. В 1970 году «Black Sabbath» выпускает трек «Behind the Wall of Sleep», вдохновленный одноименным рассказом Г. Ф. Л., в 1984-м «Metallica» записывает композицию «Call of Ktulu», а в 1985-м «Iron Maiden» цитирует классика на обложке альбома «Live After Death», «Жизнь после смерти».

Рассказы Лавкрафта начинают экранизировать: одним из первопроходцев становится «король фильмов класса В» Роджер Корман, в 1963 году снявший картину «Заколдованный замок» по мотивам «Истории Чарльза Декстера Варда». Позже должное творчеству писателя отдадут десятки режиссеров, включая

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

культового Джона Карпентера («Князь тьмы», 1987). Рассказами писателя вдохновляются и другие деятели Голливуда — например, художник Ханс Руди Гигер, главный дизайнер «Чужого» Ридли Скотта. С 1950 года истории Лавкрафта ложатся в основу многочисленных комиксов и графических романов. Наконец в 1974-м в одном из выпусков комиксов о Бэтмене появляется «лечебница Аркхэм для душевнобольных преступников» — название очевидным образом позаимствовано у вымышленного города в Новой Англии, который стал местом действия многих рассказов Г. Ф. Л. и его подражателей.

Без преувеличения можно сказать, что к началу нового тысячелетия «сверхъестественный ужас» Лавкрафта глубоко укоренился в поп-культуре. Эта мифология эксплуатируется в сотнях настольных и компьютерных игр, в том числе тех, которые и сами успели превратиться в классику, от легендарного шутера «Quake» до второй части «Dead Space», где фигурирует безумец по имени Говард Филлипс. Лавкрафт становится главным героем многочисленных комиксов (то как brutальный частный детектив, то как маленький мальчик со сверхъестественными способностями, то в одиночку, а то в компании с Николой Тесла или Эдгаром По) — и это не говоря уж о том, что к книгам «затворника из Провиденса» не раз и не два обращался великий и ужасный Алан Мур, создатель этапных для жанра «Хранителей». Писатель собственной персоной появляется на кино- и телеэкране — например, в одном из эпизодов сериала «Сверхъестественное» или в испанском фильме «Наследие Вальдемара II». Сувенирную фигурку Ктулху можно купить в любом магазине для гиков от Улан-Удэ до Мельбурна. В конце концов, Лавкрафт и выдуманные им монстры становятся объектом бесчисленного множества демотиваторов, карикатур и интернет-мемов — это ли не главное свидетельство триумфа в нашу электронную эпоху?

Так как же получилось, что писатель, не раз отзывавшийся об американской культуре своего времени как об упаднической, предпочитавший сочинениям большинства современников книги литераторов восемнадцатого-девятнадцатого веков и брезгливо отвергавший коммерческое искусство, оказался настолько вос-

---

требован в XXI столетии? Почему консерватор и пуританин с ярко выраженным отвращением к телесному, в чьих произведениях безрадостное настоящее неизменно проигрывает с разгромным счетом чудовищному прошлому, стал любимым автором у читателей, которые взяли в руку компьютерный джойстик раньше, чем выплюнули соску?

В эссе «Против человечества, против прогресса», посвященном феномену Лавкрафта, французский прозаик Мишель Уэльбек пишет: «Для человека XX столетия этот космос отчаяния абсолютно „свой“. Эта мерзостная Вселенная, где страх громоздится расходящимися кругами вплоть до чудовищного откровения, эта вселенная, где для нас воображима единственная судьба, быть перемолотыми и пожранными, безусловно распознается как наш умственный мир. И для того, кто одним быстрым и точно введенным щупом хочет зондировать состояние умов, успех Лавкрафта — это сам по себе симптом. Сегодня как никогда мы можем подписаться под тем изложением взглядов, каким открывается „Артур Джермин“: „Жизнь — мерзостная штука; и на заднем плане, за всем тем, что мы о ней знаем, мелькают проблески дьявольской правды, которая делает ее мерзостнее для нас в тысячу крат“... Хорошо понятно, почему чтение Лавкрафта составляет парадоксальное утешение для души, которой опротивела жизнь. Можно, в сущности, рекомендовать это чтение всем, кто по той ли, иной причине дошли до того, чтобы питать настоящую неприязнь к жизни во всех ее видах».

Возможно, в этом есть доля истины. Проза Лавкрафта — идеальное отражение внутреннего мира человека в состоянии экзистенциального кризиса: космос холоден и безразличен, жизнь конечна, в словах и поступках нет никакого высшего смысла, впереди всех нас ждет лишь небытие, окончательное торжество энтропии и тепловая смерть Вселенной. Но это справедливо для читателей прошлого тысячелетия. Сегодня мы легко можем заметить, что Великие Древние Лавкрафта стали «своими» и для людей, искренне любящих жизнь, далеких от меланхолии, довольных собой и своим местом в мире — вот в чем настоящий парадокс.

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

Но можно найти и другое объяснение.

Всю жизнь Говард Филлипс Лавкрафт возводил стену между собой и окружающим миром — иногда сознательно, но чаще неосознанно. Нельзя сказать, что он не умел общаться с людьми: история взаимоотношений с Соней Грин, с коллегами по Объединенной ассоциации любительской прессы и многочисленными корреспондентами это опровергает. Безусловно, Лавкрафт был способен производить сильное впечатление и даже очаровывать, но только тех людей, которых впускал в свой узкий внутренний круг. Внешний мир то и дело вторгался в его жизнь, грубо и напористо — к примеру, немалые сбережения семьи Г. Ф. Л. сгорели в результате одного из международных финансовых кризисов начала XX века. Но по большей части ему удавалось каким-то чудом игнорировать эту сторону жизни, а робкие и неохотные попытки писателя встроиться в Систему, соответствовать требованиям «социально одобряемой нормы», напротив, раз за разом терпели неудачу. Да что там, Лавкрафтом побрезговала даже армия: когда Соединенные Штаты вступили в Первую мировую, он решил записаться на воинскую службу, как и подобает настоящему южному джентльмену, но был признан негодным к строевой и отправлен восвояси.

Этот специфический жизненный опыт самым очевидным образом повлиял и на его творчество. Все те бури, которые сотрясали американское общество в начале двадцатого века: подъем профсоюзного движения, «сухой закон», громкие мафиозные разборки на улицах Чикаго, Великая депрессия — практически не нашли отражения в рассказах и повестях Лавкрафта. Его вселенная внеисторична, вырвана из реальности, условна. Да, иногда писатель упоминает конкретные даты и ссылается на знакомые его современникам события, среди персонажей Лавкрафта встречаются даже немецкие подводники времен Первой мировой... Но главные события в его произведениях неизменно происходят на просторах «внутреннего космоса», в пространстве между сном и явью, унылой повседневностью и чудовищным ночным кошмаром. Время и место действия не имеют значения: «сверхъестественный ужас» Лавкрафта лишен исторических

корней, слабо сцеплен с реальностью — именно поэтому он так легко превращается в объект постмодернистского обыгрывания, элемент метанарратива, пересаживается на любую почву и встраивается в любой произвольно выбранный контекст.

Великих Древних Лавкрафта оказалось удивительно просто приручить — или, если угодно, они с потрясающей сноровкой проникли во все щели современной поп-культуры. Для того чтобы репостить забавные мемы с многоруким морским богом или писать «Ктулху фхтагн!» на открытой стене интернет-сообщества, совершенно не обязательно читать Г. Ф. Л. — да, по большому счету, и никого из его подражателей и продолжателей, включая Нила Геймана и Х. Л. Борхеса. Само собой, это оскорбляет чувства поклонников писателя — как попсовая аранжировка «Звезды по имени Солнце» оскорбляет фанатов Виктора Цоя. Но можно взглянуть на ситуацию и по-другому. «Затворник из Провиденса» изобрел универсальный язык, культурный код, одинаково доступный людям разных поколений, из разных социальных групп, с разным кругозором и эрудицией. Немногим писателям XX века удалось проделать такой финт, а уж среди современников Г. Ф. Л. — и вовсе считанным единицам.

И все же это не отменяет необходимости чтения текстов Говарда Филлипса Лавкрафта. Да, чтобы говорить на универсальном языке его изобретения, не обязательно знать этимологию, происхождение каждого слова и устойчивого выражения. Но, чтобы раскрыть все оттенки смысла и правильно расставить акценты, придется раскрыть чудовищный «Некрономикон», изучить причудливую архитектуру башен Ми-го на темной стороне Юггота, вплотную подобраться к воротам между мирами, которые охраняет неописуемый Йог-Сатот... И, конечно, погрузиться в глубины океана, где среди руин Р'льеха покоится, ожидая своего часа, великий Ктулху. К счастью, сегодня мы можем сделать все это, не вставая с любимого дивана, не отрываясь от экрана компьютера или смартфона. Но завтра, когда Великие Древние пробудятся и восстанут, — кто знает, что нас ждет?..

© Василий Владимировский, 13.06.2018

ДАГОН

Перевод Юрия Соколова

Я пишу эти слова в состоянии понятного умственного напряжения, ибо сегодня вечером меня не будет в живых. Оставшийся без гроша и даже без крохи зелья, которое одно делает мою жизнь терпимой, я не могу более переносить это мучение и скоро выброшусь из чердачного окна на нищую мостовую. И если я раб морфия, не надо считать меня слабым или дегенератом. Прочитав эти торопливо набросанные строки, вы можете догадаться, хотя, наверное, никогда полностью не поймете, почему я добиваюсь забвения или смерти.

Случилось, что посреди одной из наиболее открытых и редко посещаемых частей широкого Тихого океана пакетбот, на котором я был суперкарго, пал жертвой германского рейдера. Великая война была тогда в самом начале, и океанский флот гуннов еще не успел достичь тех глубин падения, к которым ему суждено было опуститься потом; поэтому наше судно было объявлено законным призом, а к экипажу отнеслись с теми справедливостью и вниманием, которых требовало наше положение военнопленных. Победители установили на борту настолько либеральные порядки, что через пять дней после захвата я сумел ускользнуть в небольшой шлюпочке, захватив с собой достаточное количество воды и провизии.

Оказавшись наконец на воде и в полной свободе, я не имел особо точного представления о том, где нахожусь. Не будучи компетентным навигатором, я мог только догадываться по солнцу и звездам, что нахожусь к югу от экватора. Долгота

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ

известна мне не была, а островов или берегов вблизи не было видно. Погода была ясной, и несчетные дни я бесцельно дрейфовал под обжигающим солнцем, ожидая, пока меня подберет проходящий корабль либо прибудет к берегам какой-нибудь населенной земли. Однако не появлялось ни корабля, ни земли, и я уже начал отчаиваться, оставаясь в уединении на неторопливо вздыхающем синем просторе.

Перемена произошла, пока я спал. Подробности ее так и остались неизвестными для меня, ибо мой сон, хотя и тревожный, и полный сновидений, так и не прервался.

Когда я наконец пробудился, оказалось что меня засасывает в адски черную, полную слизи лужу, монотонно колыхавшуюся во все стороны от меня, куда достигал взгляд, а лодка моя лежала на ней как на суше неподалеку.

Хотя можно подумать, что моим первым ощущением при виде столь неожиданного и огромного преобразования окрестностей должно было стать удивление, на самом деле я скорее пребывал в ужасе, чем был удивлен, ибо в воздухе и в гнилой почве присутствовало нечто зловещее, пробравшее меня до глубины души. Вокруг валялись гниющие мертвые рыбыны, а посреди отвратительной грязи бесконечной равнины торчали и менее понятные останки. Возможно, не стоит и пытаться передать простыми словами ту неизреченную мерзость, которая обитала в этом абсолютно безмолвном и бесплодном просторе. Слух не улавливал звуков, а зрение — ничего иного, кроме бесконечной черной грязи со всех сторон; и все же сама полнота тишины и однородность ландшафта вселяли в меня тошнотворный страх.

Солнце пылало на небесах, уже казавшихся мне черными в своей безоблачной жестокости и словно бы отражавшихся в чернильной болотине под ногами. Перебравшись в оказавшуюся как бы на суше лодку, я подумал, что положение мое способна объяснить лишь одна теория. Какой-то беспрецедентный вулканический выброс вынес на поверхность часть океанского дна, обнажив область его, которая в течение бесчисленных миллионов лет оставалась скрытой в неизмеримых водяных глубинах. И настолько велика была сия поднимающаяся